

БОББИ ПАЛМЕР

АЙЗЕК

и

ЯЙЦО

INSPIRIA

МОСКВА

2023

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П14

Bobby Palmer
ISAAC AND THE EGG

Copyright © 2022 by Bobby Palmer

This edition published by arrangement with United Agents
LLP and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Елены Гавриковой*

Палмер, Бобби.

П14 Айзек и яйцо / Бобби Палмер ; [перевод с английского Е. Гавриковой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 256 с.

ISBN 978-5-04-118993-8

Айзек стоит на мосту в одиночестве. Он сломлен, разбит и не знает, как ему жить дальше. От отчаяния он кричит куда-то вниз, в реку.

А потом вдруг слышит ответ. Крик — возможно, даже более отчаянный, чем его собственный. Айзек следует за звуком в лес. И то, что он там находит, меняет все.

Эта история может показаться вам знакомой. Потерянный человек и неожиданный гость, который станет его другом, но не сможет остаться навсегда.

Реальная жизнь, увы, не сказка. Она полна сложной и удивительной правды, которую Айзеку придется принять, чтобы вернуться к жизни. И поможет ему в этом... яйцо.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Гаврикова Е.И., перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-118993-8

— Одно дело сделано! — сказал Жаб
и вычеркнул первую строчку:

Проснуться

Арнольд Лобел

— Часть первая —

Яйцо

Один

Айзек Эдди стоит на мосту, раздумывая: прыгнуть или нет. Его пальцы впиваются в ледяной каменный парапет. Дыхание клубится паром, застилает глаза. Он переминается с ноги на ногу — тротуар хрустит под его ступнями утренним инеем. Если он и правда пытается набраться храбрости, чтобы перекинуть замерзшие ноги через край и нырнуть в разверзшуюся где-то внизу пустоту, то безуспешно. Айзек наклоняется над парапетом и видит реку, в бешенстве оплеывающую плотину белой пеной. Он вглядывается в бурлящий поток, моргает. Он не плачет, хотя пролитых им за последние несколько недель слез хватило бы на еще одну такую же реку. Может быть, слезы сбивает с глаз ветер. Может быть, они превращаются в льдинки, не успевая скатываться по щекам. Он не плачет — но это вовсе не означает, что Айзек потерял способность чувствовать. Просто его совершенно не трогают вода и разделяющая его с ней пропасть. Он думает о других вещах. Его душа не здесь. Река скалится, рычит на него — но Айзек Эд-

ди слишком далеко, чтобы обращать на ее потуги внимание.

Он вдыхает, потрясенно и хрипло, как будто только что нечаянно переместился сюда из каких-то неведомых мест. Легкие заполняет ледяной воздух. Он осматривает мост — поворачивает голову в одну сторону, в другую. Его тело окоченело от холода. Окоченело настолько, что даже дрожь уже отступила. Айзек шурится, пытаясь вспомнить, как он здесь очутился. Он узнает это место — и понимает, что пришел сюда не пешком. Не получилось бы пешком — при всем желании. Потому что оказался он у черта на куличках. Он явно пил, а после явно сел за руль. Плохое сочетание. Он не сомневается, что был пьян — он чувствует во рту алкогольный привкус многочасовой выдержки. Еще меньше он сомневается в том, что приехал сюда на своей машине — вон она, стоит в рытвине у моста, с включенными фарами и открытой нараспашку водительской дверью. Двигатель давится холостыми оборотами. Машина напоминает сбитое на дороге животное, издыхающее в канаве под белесым, словно кости, небом. Шум реки почти полностью заглушает настойчивое *динь-динь-динь*, напоминающее об открытой двери. Айзек и правда не помнит, как вышел, не захлопнув ее. Он не помнит дорогу, не помнит рассвета, который совсем недавно начал разгораться на горизонте — где-то между машиной и его дежурной точкой на мосту. Он не помнит, как попал сюда, откуда приехал. Он вообще мало что помнит.

Айзек снова опускает взгляд на воду — она приветствует его порывом ветра в лицо. Он мерзнет. Теперь он чувствует, как холод впивается в горло, заползает за воротник грязной рубашки, сдавливает ребра. Как выжимает из него воздух, обездвигивает — так что Айзеку остается только дрожать, еще крепче вцепившись в парапет. Снега нет, но ощущение такое, будто он попал в метель. Он

АЙЗЕК И ЯЙЦО

представляет свои посиневшие уши и нос. Айзек понятия не имеет, где оставил пальто, а костюм, в который он одет, меньше всего предназначен для защиты от разгульного речного ветра. Он хочет немного растереть продрогшие плечи и пытается пошевелить руками. Бесплезно, тело его не слушается. Айзек заворуженно наблюдает, как река перекачивается по блестящим камням и сломанным ветвям, гадая, не несет ли она свои воды еще и по собачьим трупам.

МОСТ СОБАК-САМОУБИЙЦ

Перед глазами всплывает газетный заголовок. Он ведь не придумал его? Айзек, конечно, мало что помнит, но новость, слепленную из пары наспех состряпанных анекдотов и местной городской легенды, он не забыл. Собаки, которым случается бывать на этом мосту, частенько спрыгивают с него. Некоторые утверждают, будто несчастных животных пугает обосновавшийся здесь дух злобного мастифа. Другие, чье мнение кажется более экспертным, винят во всем зов природы, точнее — запахи, доносящиеся из прибрежных зарослей. Еще точнее — запах поселившихся в них куниц. Собаки кидаются по следу, не успевая вовремя осознать, что совершают роковую ошибку. В погоне за едой прыгают навстречу смерти. Айзеку бы такую целеустремленность.

Кого он обманывает? Айзек ни за что не прыгнет. Даже чертенок на его плече — этот тонкий голосок, раздающийся в голове, который вроде бы *должен* подстрекать его к решительному шагу, — протестует.

«Не прыгай! — пищит он насмешливо. — Тебе есть ради чего жить!»

Айзек понимает, что чертенок считает эту шутку забавной. А еще он не сомневается, что будет следовать его приказам. Он закрывает глаза, раскачивается взад-вперед

на каблуках, перегибается через край парапета, будто хочет упасть случайно, ненароком. Стоит разжать руки — и гравитация делает все за него. Он снова распахивает глаза — и перед глазами распахивается бездна. У Айзека сводит живот. Возможно, всему виной инстинкт самосохранения. Но куда вероятнее — выпивка. Он закашливается, сплевывает. Айзека рвет прямо в пропасть. Содержимое его желудка отправляется в свободное падение, подхватывается ветром и пропадает из виду. Он смаргивает слезы, к горлу подступает желчь иного рода. Далеко внизу бурлит — словно закипает — черная как смоль вода. В груди Айзека тоже что-то закипает. Вена на лбу пульсирует так, будто готова вот-вот лопнуть. Он отчаянно хватается за парапет — шершавый камень вгрызается в его ладони — и наконец кричит.

Кричит болезненно. Были бы здесь птицы, он бы непременно их распугал. Крик эхом отлетает от каменного моста, от лесистых речных берегов, от самой воды. Бурный поток перестает вспениваться, врезааясь в плотину, стихает, вслушивается. Деревья замолкают. Кажется, само время замирает. Наконец — из ниоткуда — раздается ответный крик.

Вообразите себе картину: Айзек, перевесившись через парапет старого каменного моста, склоняет голову набок — на манер любопытного пса — и всматривается в заросли на берегу реки, в те самые, у которых он оставил свою машину. От его губ тянется вниз, покачиваясь на ветру, блестящая нить слюны. Вообразите себе непроходимый лес, землистый склон, изрытый змеящимися к воде корнями. И вообразите этот звук. Не *динь-динь-динь*, доносящееся из рычащей машины, не рев воды. Вообразите себе крик — леденящий кровь, мурашками пробегающий по коже, сводящий желудок крик. Тот, что вырывает тоску из груди Айзека и размалывает ее в пыль. Люди так не кричат. И куницы, кем бы эти зверьки ни были, так не кри-

АЙЗЕК И ЯЙЦО

чат. Этот крик не может принадлежать ни одному животному в мире. Вообразите себе крик, который не похож ни на человеческий, ни на звериный, ни на нечто среднее. Вообразите мутную реку вероятностей, увлакивающую вас в свою пучину. Любой, пребывающий в здравом уме и рассудке, разогнулся бы, запрыгнул в машину и уехал навстречу рассвету так быстро, как только смог бы. Но Айзеку до здравого ума далеко, к тому же в этом вое ему что-то слышалось. Что-то безнадежное. Беспомощное. Айзек не успел вытереть рот, когда понял: он последует за криком.

Он утирает губы. Разгибается. Едва не опрокидывается на дорогу и наконец, пошатываясь, отходит от края. Айзек, шаркая подошвами по заледенелому асфальту, направляется туда, где его все еще ждет продолжающая упорно пиликать машина. Он сходит с моста и сворачивает от автомобиля в сторону леса. Под ногами похрустывает лесная подстилка из сгнивших цветов и целлофанового мусора. Он добирается до первого дерева и, затаив дыхание, вглядывается в распластавшиеся за ним тени. Лучшие детские сказки начинаются с похода в лес, только вот история Айзека вовсе не для детей. Он уже слишком взрослый, чтобы его взяли воспитывать волки, слишком большой, чтобы провалиться в кроличью нору, слишком искушенный, чтобы прельститься пряничным домиком. Свой счастливый конец он уже получил — и уже потерял. Айзек колеблется, оглядывается на свою машину. Как нарочно, снова раздается крик. Сколько боли — до боли знакомой. Не удостоив тени повторного взгляда, Айзек ныряет в подлесок.

Пока он съезжает по береговому склону, мох оглаживает склизкими пальцами спину его пиджака. Айзек крадется по устилающей землю влажной листве, отбиваясь от низко свисающих ветвей. Сучья и шипы впиваются в предплечья и ладони. Переплетающиеся между собой корни изо всех сил стараются сбить Айзека с ног. Пару

раз они даже преуспевают — и этого достаточно, чтобы его черные брюки промокли насквозь, а некогда выходные ботинки захлюпали, словно напивавшиеся водой кухонные губки. Он не переживает о переохлаждении или обморожении. Он думает только о крике, крике, представляющемся невозможным в этом лесу, завеса которого заглушает даже рев близлежащей реки. Он снова в нерешительности замирает. Что, если лес водит его за нос? Айзек вертится по сторонам, будто из-за ветвей за ним наблюдают тысячи глаз. Он трезвеет. Он крутится и крутится, оглядываясь назад — на свою машину, всматриваясь вперед — в неизвестность. Он дезориентирован. Он даже не может вспомнить, откуда пришел. Ему тоже хочется закричать, хочется позвать на помощь. Его останавливает божественное вмешательство разгорающейся зари. Занавес царящей в лесу тьмы мгновенно поднимается, чудотворные лучи солнца пробиваются сквозь ветви и освещают подлесок. Тогда Айзек видит его.

Яйцо. Посреди поляны, купаясь в небесном свете, который, кажется, бросает вызов и без того отступающему ночному мраку, сверкает яйцо. Только вот картина эта не поддается никаким законам логики. Сама поляна, идеально круглая и неестественно первозданная, освещенная лучами, струящимися через такой же идеальный просвет в лесном навесе, выглядит искусственной. Кажется, будто что-то примяло чашу в этом месте — и получилась лужайка, напоминающая гигантское гнездо. Яйцо белеет в самом ее центре, под сенью мокрых листьев и ветвей. Белеет жутковато. Как жемчужина в пасти крупнейшей в мире устрицы. Нет, белее жемчужины. Белеет, как ничто на свете. Овал пустоты, вырезанный из чистого листа бумаги детскими ножницами. Вырезанный и посаженный на клей-карандаш в центр этой поляны. Только капли росы, дрожащие на белой поверхности яйца, убеждают Айзека в его реальности и трехмерности. Айзек трет глаза. Яйцо

АЙЗЕК И ЯЙЦО

не исчезает. Яйцо остается объемным. Яйцо по-прежнему заворачивает, и его великолепие только подчеркивается тусклыми грязно-коричневыми, приглушенно-зелеными красками фона и сверкающими на белой скорлупе бриллиантами конденсата. В лучах солнца, струящихся сквозь прогалину над головой, оно блестит, будто произведение Фаберже, подсвеченное на витрине. Только оно крупнее. Гораздо крупнее. Больше полуметра, навскидку.

Впервые за несколько недель Айзек испытывает чувство, отличное от отчаяния. Он несколько раз моргает, трет и без того красные глаза. Ну, здравствуй, старое доброе любопытство. Приоткрыв рот, Айзек вглядывается в переплетение ветвей, со всех сторон обвивших поляну, в поисках хоть какого-нибудь намека на происхождение яйца. Он осматривает землю на предмет огромных следов. Поднимает голову, почти ожидая увидеть в небе силуэт какого-нибудь еще более огромного зверя. Ему вспоминаются «Парк Юрского периода» и рябь, пробегающая по поверхности налитой в стакан воды при приближении тираннозавра. Но на поляне царит пронзительная, мертвая тишина. Взгляд Айзека снова падает на яйцо. Он ничего не может с этим поделать. В яйце есть нечто всепоглощающе притягательное, кажется, что эта его белоснежно-чистая невероятность досуха выпивает все цвета подобравшегося слишком близко леса. На нем нет ни пятнышка грязи. А какого оно размера!

«Ложкой такое яйцо не разобьешь, — проносится в голове у Айзека, — разве что лопатой или кувалдой».

Айзек сглатывает, внезапно осознав, где находится. Он чувствует кислый привкус во рту. Яйцо порождает множество вопросов одним лишь фактом своего существования, и на самый важный из них Айзек все еще не знает ответа. Откуда донесся тот крик?

Айзек снова осматривает поляну, нервно переминаясь с ноги на ногу, и сухие ветки, устилающие землю, хрустят